SPIDER ISLAND

The Collected Stories of

JACK WILLIAMSON

Volume Four

Великая иллюзия

Эндо Биндер, Джон Расселл Фирн, Раймонд Галлун, Эдмонд Мур Гамильтон, Джек Уильямсон

Эндо Биндер, Джон Расселл Фирн, Раймонд Галлун, Эдмонд Мур Гамильтон, Джек Уильямсон. Великая иллюзия. (Рассказ-буриме)

Эндо Биндер, Джон Расселл Фирн, Раймонд Галлун, Эдмонд Мур Гамильтон, Джек Уильямсон. Великая иллюзия. (Рассказ-буриме)

© Eando Binder, John Russell Fearn, Raymond Z. Gallun, Edmond Hamilton, Jack Williamson. The Great Illusion. Fanzine "Fantasy Magazine", September 1936

В нашем юбилейном номере, посвященном третьей годовщине мы опубликовали буриме «Вызов извне». Идея оказалась настолько хороша, что мы решили повторить ее в этом номере, но с важным изменением. На этот раз первому из пяти авторов было предложено написать последнюю часть истории; второму автору — четвертую часть; и так далее. Джон Рассел Фирн начал (или, скорее, закончил) рассказ, оставив без объяснения ряд загадок. Раймонд З. Галлун, бывший следующим, после завершения своей работы заметил: «Завершающе-открывающая нить была довольно сильно подпорчена, и я думаю, что сейчас всё стало еще хуже». Следующий автор — Эдмонд Гамильтон, сказал. «Я вручу приз в размере 1000 долларов любому, кто сможет рассказать мне,

о чем две другие части этой истории. И я вручу приз в размере 10 000 долларов любому, кто сможет рассказать, о чем моя часть. Это выглядит как самая безумная история в истории научной фантастики». Джек Уильямсон, написавший следующую часть, кратко прокомментировал её: «На мой взгляд, это была бы очень интересная история, если бы только точно знать, о чем она». Наконец, завершавший (или начинавший) историю Эндо Биндер, заметил: «Я сделал все возможное, чтобы, следуя примеру остальных, запутать нить начала (или конца) как можно сильнее, и я уверен, что сделал не хуже других, сделав её совершенно необъяснимой. Возможно, немного подумав, я мог бы сделать её совершенно невозможной для понимания читателями, но я думаю, что в нынешнем виде она никогда не будет расшифрована». Несмотря на вышеприведенные комментарии, мы считаем, что пять авторов проделали замечательную работу. Чтобы в полной мере оценить их трудности, мы предлагаем вам сначала прочитать историю так, как она была написана — задом наперед. Затем перечитать его в обычной манере и поразиться её последовательности и плавности изложения.

(Начальная часть за авторством Эндо Бин-

дера)

Вот-вот должен был начаться величайший эксперимент в истории человечества!

Четыре человека стояли в обитой металлом кабине космического корабля. Их общее внимание было сосредоточено на аппарате Берринджера, прикрепленном к одной из стен. Корт, высокий и серьезный, смотрел с усмешкой на его ястребином лице. Брэдли и Фориджей, намного моложе остальных, смотрели с гипнотическим очарованием, их лица были бледны от затаенного страха.

Берринджер протянул руку к единственному рычагу аппарата. Брэдли дернулся вперед и в панике схватил его за руку. Берринджер обернулся в нетерпеливом удивлении.

— Подождите… всего одну минуту! — взмолился Брэдли. — Прежде чем мы продолжим, объясните все еще раз. В конце концов, возврата может не быть. И…

— Возврата не будет! — повторил Берринджер с ударением. — Поймите, Корт — возврата не будет!

— Вот ещё! — взорвался физик. — Все это — фарс! Возврата не будет, потому что не будет начала. Повторите еще раз эту муть про иллюзии,

Берринджер, ради их же блага. Они напуганы, но у них нет для этого причин. Ну же, Берринджер!

Ученый намеренно отвернулся от скептически настроенного, язвительного на язык Корта и обратился к двум молодым ассистентам, работавшим у него последние два года.

— Парни, слушайте внимательно, потому что я объясняю это в последний раз, а потом мы начнём. Вы помните электрический эксперимент, проведённый нами два года назад и доказавший, что электричество — это жизнь, чистая и совершенная. Вы помните, как, установив своего рода связь с этой основной жизненной сущностью, мы научились многим вещам — невероятным вещам! Ибо Синие Сущности, способные жить в любой среде, даже в безвоздушном пространстве, показали, что все человеческие мысли — это иллюзия, все теории и концепции, когда-либо созданные человеческим разумом — самообман!

Берринджер продолжил, несмотря на очередные возмущения со стороны Корта.

— Например, наша математика, с помощью которой мы формулируем законы о Вселенной, ограничена промежутком между нулем и бесконечностью, и она является всего лишь цифрами в более великой и истинной математике. Кроме

того, наши пять чувств немыслимо неточны и охватывают ничтожно малый диапазон восприятия. При таких ограничениях неудивительно, что мы не можем осознать, что нет ни звезд, ни вакуума, ни чего-либо, о чем, как нам кажется, мы знаем! И все же Синие Сущности электричества показали нам это!

— Машина! — хрипло пробормотал Брэдли. — Шахта, проникающая в чуждые измерения…

— Дурак! — прошипел Корт. — Только дурак может поверить в это!

Берринджер проигнорировал этот горький выпад и вновь заговорил.

— Два года ежедневного общения с Синими Сущностями наконец-то подарили мне проблеск Великой Истины. Дали мне некоторое представление о том Великом Всём, что стоит за этой гигантской иллюзией жизни, пространства, энергии и всего остального, что мы, люди, называем наукой. Теперь я смог построить этот аппарат. Он направляет 200 000 вольт в то, что мы называем вакуумом, и разрывает его, как завесу, открывая сверхпространственную шахту, ведущую в Настоящую Вселенную. Это все равно что пройти сквозь зеркало и увидеть там реальность!

— Итак, Алиса сказала Безумному Шляпнику:

«Пожалуйста, сэр, можно мне затянуться вашей трубкой с опиумом?» — насмешливо высказался Корт.

— Что касается вас, — холодно произнес Берринджер, глядя в лицо ухмыляющемуся физику, — вспомните через пять минут, как я говорил, что ваш великий Эйнштейн похож на пьяницу, у которого двоится в глазах и которому мерещатся розовые слоны.

— И еще кое-что, — прошептал Брэдли. — Вы уверены, что по этой шахте, ведущей в… Потусторонний мир, можно пролететь на космическом корабле?

Услышав твердое «да» ученого, двое молодых людей с явным облегчением переглянулись. Старческие глаза Берринджера внезапно вспыхнули.

— Да, это возможно, — продолжил он, — Но только в одну сторону! Когда вы дойдете до конца, вы снова окажетесь в начале, но это будет не круг!

— И когда мы дойдем до конца, мы снова окажемся в начале и, следовательно, вернемся в лабораторию? — нетерпеливо спросил Фориджей.

— Что появляется первым — курица или яйцо? — презрительно пропел Корт. — И при чем тут

петух?

Берринджер задумчиво взялся за ручку аппарата, прежде чем ответить Фориджею. Затем он бесстрастно произнес:

— Я с самого начала говорил вам, что возврата нет! Конец и начало — это человеческие понятия, такие же, как ноль и бесконечность. В этой шахте нет ни начала, ни конца!

Брэдли резко втянул в себя воздух, а Фориджей побледнел еще больше. Корт насмехался надо всем этим, гнусаво напевая о Человеке с Двумя Умами, ни одного из которых не существовало.

— Но хватит этой болтовни, — рявкнул Берринджер. Его худое, заострённое лицо покраснело от напряженной решимости. — Вы, Брэдли и Фориджей, фактически сами попросили взять вас с собой. Я говорил вам, что это будет медленным самоубийством, но вы, как я вижу, не поверили мне. Вы упустили шанс остаться и прославиться, хотя это иллюзия, как и все остальные человеческие стремления. Вы решили исследовать вместе со мной глубины космоса — настоящего космоса — но даже он иллюзия! Корт здесь, чтобы наблюдать за внешними явлениями как сведущий человек, и он тоже поймет, что все это иллюзия!

— Не говоря уже об иллюзии, которая уже у

вас имеется, — Корт подмигнул двум молодым людям. — Я имею в виду иллюзию того, что вы не совсем сошли с ума два года назад.

Берринджер взялся за ручку своего аппарата.

— Мы готовы? — рявкнул он, и в то же время яростно дернул ручку.

С внезапностью, от которой у них перехватило дыхание, лаборатория за иллюминаторами исчезла, и на смену ей пришла абсолютная чернота. Их корабль, казалось, угодил в лужу чернил. Снаружи не было видно ни малейшего лучика света, и казалось, что темнота наползает, пытаясь погасить верхний свет.

Но мгновение спустя вдали показалась слабая синева. Она стала ярче и превратилась в гигантское существо синего цвета с огромными зелеными светящимися крыльями. Казалось, оно приближается.

Брэдли и Фориджей прижались друг к другу, быстро переговариваясь.

Корт в изумлении бросился к боковому иллюминатору и попытался что-нибудь разглядеть сквозь траурный занавес. Но все, что он мог видеть — это огромное зеленокрылое чудовище, неуклонно приближающееся к ним.

— Будьте вы прокляты, Берринджер! — за-

кричал он, поворачиваясь к нему. — Что вы наделали?

Совершенно спокойный, престарелый ученый торжествующе произнес:

— Именно то, что я и обещал, я разорвал вакуум на части, и теперь мы падаем — или поднимаемся, неважно — в пропасть, ведущую за пределы земной иллюзии к еще большей иллюзии! У нас есть двигатели, но они бесполезны — теперь я понимаю всю иронию этого. Потому что нет таких вещей, как движение или расстояние! Человеческие представления — иллюзии! Знаете ли вы, что мы обнаружим? Профессор Корт, знаете?

Берринджер продолжил, в то время как высокий физик отшатнулся, широко раскрыв глаза:

— Мы обнаружим, что Солнце — это центр всего сущего, и это единственная звезда! Мы увидим другие звезды, располагавшиеся равномерно вокруг, сгрудившиеся на одном конце сверхпространственной шахты, и они будут иллюзией. Планеты исчезнут!

— Но это глупые, бессмысленные вещи — откровенные галлюцинации. Самое важное, что мы увидим и откроем для себя, — это Синие Сущности в их естественной среде обитания, называемой нами вакуумом, граненые камни

Внешнего Мира, чьи отражения мы называем звездами. Вселенский Разум, которого боятся Синие Сущности. И, наконец, Великое Всё — реальность, превращающуюся в иллюзию прямо на наших глазах!

Корт и Берринджер уставились друг на друга, осознавая огромное значение этих парадоксальных слов.

Они не заметили, как Брэдли и Фориджей тихо прокрались к воздушному шлюзу. Их остекленевшие глаза выдавали гипнотическую решимость сбежать с этого безумного корабля, погружающегося в чужую Вселенную. В их оцепеневших от страха мозгах билась только одна мысль: «Бежать!»

Брэдли повернул рычаг управления воздушным шлюзом, рывком открыл первую дверь и повторил этот маневр у внешнего люка, но, как ни странно, не возникло никакого порыва выходящего воздуха в тот момент, как он катапультировался из корабля. Мгновение спустя за ним последовал Фориджей.

Они сбежали! Пусть придет смерть, какой они её понимали; лучше она, чем сумасшедшее путешествие в мир безумия и иллюзий.

(Начало части Джека Уильямсона)

Было очень темно. Звезд не было видно. Фориджей поежился от холодного ветра, дувшего из черной тишины. Его руки вцепились в голые, холодные как лед камни. Даже когда он лежал, прижавшись лицом к выступу, голова его все еще ужасно болела и невыносимо кружилась.

Здесь нет звезд!

Эти слова застряли у него в голове жуткой, тревожной загадкой. Он попытался вспомнить, но потом подумал, что это воспоминание, вероятно, настолько ужасное, что оно может разрушить его рассудок.

С облегчением он почувствовал рядом с собой еще одно неподвижное тело. Его глаза, привыкшие к непривычной темноте, теперь могли различать очертания пустынной скалистой местности, словно она слабо светилась. Он повернулся в сторону стона.

— Брэдли? — пробормотал. — Что случилось? Где мы? — потом снова прошептал зловещий и бессмысленный ответ на свой вопрос: — Здесь нет звезд!

Продолжая стонать, Брэдли приподнялся в темноте.

— Трудно сказать, где мы и когда, — выдохнул он. — Но мы там, где Берринджер никогда нас не

найдет. Я нарушил наше обещание, Фо. Ради спасения наших жизней! — Он вздрогнул. — Когда я увидел это крылатое чудовище в пустоте, продолжать было невозможно! Я никогда не считал себя трусом. Фо. Но этот ужас…

Фориджей потер ушибленный лоб, всё ещё чувствуя головокружение.

— И все-таки… — пробормотал он. — Я не могу вспомнить… все это похоже на кошмарный сон! Скажи мне, Брэд.

— Конечно, ты помнишь, — сказал Брэдли. — Но неудивительно, что ты считаешь это кошмарным сном — так оно и есть! Эксперимент старика Берринджера — помнишь? Он собирался доказать, что все знания — иллюзия. И Корт, его старый соперник, стоял там со скептической улыбкой на губах и ждал случая выставить Берринджера дураком…

— Подожди! — перебил его слабый от страха голос Фориджея. — Я помню… Ужасную темноту после того, как Берринджер запустил свой аппарат… Тишину… Исчезающие в шахте планеты… Падение в сверхпространственную шахту, объяснения Берринджера…

На мгновение его охватил ужас. Его сухие губы беззвучно шевелились, снова шепча:

— Звезды внизу… Грани скал, как долина драгоценных камней… Солнце в сердце исчезнувшего мира!.. Синие Сущности, ожидающие, когда мы придем к своей гибели…

Он вскинул голову, пытаясь прийти в себя.

— Но этого не может быть! — его челюсти сжались. — Иллюзия иллюзии. Здесь нет звезд, — он рассеянно потер лоб и посмотрел в темноту на Брэдли. — Но я все еще не понимаю, почему мы здесь.

— Ты забыл о надвигавшемся ужасе, — напомнил ему Брэдли. — Чудовищное существо, хранящее тайну пустоты. Оно преследовало нас в космосе на светящихся зеленых крыльях. Его полет был быстрым, как свет, — его горло пересохло от ужаса. — Его глаз был тройным колодцем фиолетового зла.

Он потряс головой, словно пытаясь избавиться от страха. Фориджей схватил его за руку.

— Берринджер найдет нас, — сказал он с опаской. — Мы дали слово идти с ним до конца — даже на верную гибель. Он не позволит нам его нарушить.

— Нам не стоит бояться Берринджера, — уверенно заявил Брэдли. — Я узнал у Синей Сущности, что время, пространство и материя — это ил-

люзии. Существует власть над иллюзиями. Мы находимся в десяти тысячах миль от Берринджера, и в десять миллионах лет…

Его голос оборвался паническим всхлипом. Где-то далеко в беззвездной тьме он услышал стук камней. Вскоре в черной неизвестности он увидел приближающуюся темную фигуру. Её неясные очертания приобрели человеческий облик, хотя она и оставалась чудовищной.

— Брэд! — выдохнул Фориджей. — Хотя голова у него слишком большая…

— Когда-то я был человеком, — раздался из темноты низкий ужасный голос, — Но теперь моя цель делает меня более великим, чем бог.

— Берринджер! — в ужасе воскликнул Фориджей.

Когда человек приблизился к ним, его гротескная огромная голова оказалась шлемом.

— Я пришел, чтобы напомнить вам о вашем обещании. У вас был выбор — вы могли остаться и извлечь пользу из моих откровений, получив славу и богатство. Но вы выбрали — познать и умереть.

— Назад дороги нет. Мы, несомненно, обречены. Но если мы пойдем вперед, то, возможно, узнаем то, что все люди стремились узнать с тех пор, как

первый дикарь удивился смене дня и ночи.

— Но как… — выдохнул Брэдли. — Как вы нас выследили?

Истощенная рука Берринджера коснулась его странного шлема.

— Этот механизм позволяет мне связаться со Вселенским Разумом, частью которого являетесь и вы, и я. Я знал каждую вашу мысль о дезертирстве. Но мы должны продолжить. Наши поиски выведут нас далеко за пределы досягаемости Вселенского разума. Корт последовал за нами на корабле.

Маленький космический корабль заскрежетал по камням рядом с ними. Они поднялись на борт. Долговязый Корт с выражением безумного ужаса на лице не отрывал взгляда от панели управления.

— Берринджер! — выдохнул он. — Оно преследует нас даже здесь!

Его дрожащая рука указала на обзорный экран. Там Фориджей снова увидел чудовищную сущность из пустоты, его светящиеся зеленые крылья были распростёрты во тьме космоса.

— Возвращайтесь в космос, — приказал Берринджер. — Монстр — это наименьшая из опасностей, которая нам грозит.

Корабль рванулся ввысь, пронзая вращающуюся, головокружительную тьму. Внезапно звезды вернулись. Корт, сидевший за пультом управления, приветствовал их издевательским смехом.

— Иллюзия. Звезд нет. — он с опаской оглянулся на экран. — Она настигает.

— Полное ускорение, — мрачно скомандовал Берринджер. — Прочь от Земли.

Стрелка спидометра стремительно поползла вверх. Но внезапно зазвенели сигналы тревоги. Побледнев, Корт схватился за рукоять тормоза.

— Впереди препятствие. Невидимое! Мы вот-вот столкнемся…

— Продолжайте разгон, — отдал приказ Берринджер.

Стрелка все еще ползла вверх. На экране преследующий их монстр увеличивался в размерах. Вытаращенные глаза Корта искали невидимый барьер, обнаруженный детекторами.

Юный Фориджей молча смотрел на своего шефа.

— Впереди, — начал Берринджер. — эфирная оболочка, окружающая Землю. Зеркало, отражающее иллюзию звезд. Само оно является иллюзией…

Ба-бах!

Фориджей пошатнулся от ошеломляющего удара. Все его тело пронзила жгучая нестерпимая боль. Он растерянно заморгал, глядя на экран.

— Барьер исчез, — недоверчиво сообщил Корт. — И преследующий нас монстр тоже…

— Атомы нашего тела отскочили от эфирной оболочки, — сказал Берринджер. — Если вы понаблюдаете за собой, то обнаружите, что то, раньше было вашей левой рукой, теперь стало правой. Теперь вам понадобится зеркало, чтобы прочесть карты…

— Но… — Корт озадаченно замолчал. — Чудовище…

— Мы отразились от него, — сказал старик, его прикрытое шлемом, иссохшее, похожее на маску лицо выражало непреклонную решимость. — Наши суммарные скорости намного превышали скорость света. Невозможно, скажете вы. Иллюзия из иллюзий.

— Но эта Сущность испытала иллюзию смерти.

(Начало части Эдмонда Гамильтона)

Четыре человека, запертые в тесном салоне набирающего скорость маленького космического корабля, были потрясены. Потрясены тем, что они только что увидели в космосе, странным невероятным явлением, перевернувшим представления

о жизни, по крайней мере, троих из них.

Берринджер, худой, сморщенный человечек, чье состарившееся тело представляло собой лишь оболочку колоссального мозга, был потрясен меньше всех. Корт, высокий, серьезный ученый, бывший на Земле главным соперником и критиком Берринджера, со смуглом лицом, выражающим тревожное недоумение.

Двое молодых людей, Брэдли и Фориджей, беспомощно смотрящих на Берринджера. В их глазах все еще был ужас от того, что они только что увидели, и немой призыв к пониманию, к объяснению.

— Теперь вы поверили, Корт? — тихо спросил Берринджер. — Или всё так же уверены, что наши искания абсолютно сумасбродны и бесполезны?

Корт старался, чтобы его голос звучал ровно.

— Я по-прежнему не вижу причин для отмены всех общепринятых законов человеческой науки, — заявил он. — То, что мы только что пережили, было невероятным, беспрецедентным, это правда. Но это не значит, что все, что вы нам рассказали, правда, что вы действительно можете разгадать высшую тайну Вселенной, взять штурмом эту последнюю цитадель неизвестного.

— Я могу, и я сделаю это! — в голосе Беррин-

джера зазвенела сверхчеловеческая решимость. — Уже который год ученые Земли повторяют, как попугаи: «Последние тайны непознаваемы». Я говорю вам, что мы летим прямо к разгадке тайны космоса. Мы узнаем все, прежде чем умрем!

— Это невозможно, — пробормотал Корт, его изможденное лицо побледнело. — Я бы отдал свою жизнь, чтобы достичь этого, чтобы проникнуть в последние высшие тайны времени, пространства и материи. На самом деле, я рискнул жизнью, отправившись с вами, просто чтобы доказать, что ваша теория ошибочна. Ибо так и есть — так и должно быть.

Берринджер жестом пригласил молодого Брэдли сесть за штурвал корабля, после чего маленький пожилой ученый подошел к своему высокому коллеге и посмотрел на него горящими глазами.

Он тихо сказал:

— Корт, вы не верите, даже после того, через что мы только что прошли, потому что ты не хотите верить. Вы не хотите разгадать тайну космоса.

Его худая рука взлетела вверх, когда Корт попытался возразить.

— Не отрицайте этого, Корт. Я знаю ваши тайные мысли, и они такие же, как у всех ученых

Земли. Наука — это охота, вечный поиск истины, и главный соблазн в ней для ученого — это дикий соблазн погони.

— Всю свою жизнь, Корт, вы были вовлечены в эту погоню, выслеживая истину в лесах непостижимых фактов, стремясь отыскать ее и всегда обнаруживая, что она лежит еще дальше. Вы говорили и сами верили, что действительно хотите обнаружить и наконец-то раскрыть величайшие тайны. Но вы говорили так только потому, что считали это невозможным — на самом деле вы бы возненавидели такой успех, потому что это навсегда положило бы конец вашей работе, вашей захватывающей охоте — вот почему вы отказываетесь мне верить, даже сейчас. Вы боитесь, что ваша великая погоня за истиной подходит к концу.

— Это не так, — уверенно возразил Корт, хотя и не мог встретиться взглядом с Берринджером. — Охота за истиной — великое дело, но я не боюсь найти её. Просто наш сегодняшний опыт не убедил меня в правдивости ваших слов.

— Тогда убедите себя в этом сами, — вспылил старик Берринджер и указал на воздушный шлюз космического корабля. — На стенках корабля все еще остается слизь от существа, с которым мы

только что познакомились. Возьмите немного этой слизи и проанализируйте ее — посмотрите, не имеет ли она пространственных особенностей.

Корт заколебался, и почти умоляюще посмотрел на Брэдли и Фориджея. Двое молодых людей молчали, глядя на него, охваченные чарами личности Берринджера.

— Я не хочу этого делать, — внезапно сказал Корт. — Я убежден, что это не докажет того, о чём вы говорите.

Он быстро надел скафандр и вошел в воздушный шлюз. Открыв наружную дверь и высунувшись из шлюза, он протянул руку в перчатке, чтобы соскрести с корабля немного странно светящейся зеленой слизи, покрывавшей его с момента их встречи с чудовищным существом из пустоты.

Корт вернулся в корабль и аккуратно поместил слизь в свинцовый сосуд в маленьком лабораторном отсеке. Он медленно снял скафандр, а затем, не глядя на остальных, приступил к тщательному анализу слизи.

Они видели, как по мере того, как он работал, его лицо становилось все бледнее и бледнее. Его руки двигались скованно, губы шевелились, как

у человека во сне. Внезапно свинцовый сосуд с грохотом упал на пол. Корт, пошатываясь, поднялся и дико уставился на них.

— Это… это правда, — прошептал он, и его глаза широко распахнулись, как будто он увидел ужасную картину. — Разница в размерах атомов, составляющих тело этого существа, подтверждает вашу теорию. Берринджер…

— Конечно, подтверждает! — торжествующе воскликнул Берринджер. — Теперь вы знаете, что я сказал правду, что мы направляемся прямо к последним тайнам космоса и должны разгадать эти тайны.

— Разгадать их? — прошептал Корт. — Нет–нет!

Он внезапно бросился обратно к столу. Брэдли закричал:

— Остановите его!

Фориджей прыгнул, но было слишком поздно. Корт схватил лучевой пистолет и приставил его к собственной груди. Он упал, сведя счёты с жизнью.

Берринджер, не шевелясь, смотрел на лежащего Корта, на его лице читалась жалость.

— Я знал, что он так поступит, — сказал старый ученый. — Он не мог смириться с перспективой

навсегда прекратить охоту, составлявшую смысл его жизни. Он умер, так и не добившись истины, которую искал.

Старик повернулся к Фориджею. Они молча подняли тело Корта и втащили его в шлюз. Мгновение спустя корабль резко развернулся и выбросил его в открытый космос.

Корабль полетел дальше, к последним тайнам. Далеко в космосе плавало тело человека, который предпочел умереть, а не стать свидетелем достижения своего идеала.

(Начало части Раймонда З. Галлуна)

— Иллюзия, ребята? Да! Но в то же время, определенно, нет!

Брэдли и Фориджей посмотрели на старого Берринджера с бесстрастным, но сильным интересом. Они чувствовали, что теперь знают его очень хорошо, и все же были уверены, что никогда не смогут постичь все темные и окольные пути его проницательного гения.

Он сидел за пультом управления космическим кораблем, на голове у него был странный шлем, его худое лицо сморщилось и покрылось испариной, изможденная грудь вздымалась от тяжелого дыхания, но глаза сияли светом космической истины. Они и раньше уважали его, хотя и сомне-

вались в некоторых из его невероятных теорий, но теперь эти сомнения быстро рассеялись.

— Я уверен, что после того, что мы только что увидели, мы с Фо будем терпеливо слушать вас, доктор Берринджер, — тихо сказал Брэдли.

— Превосходно! — воскликнул пожилой ученый. — Вся Вселенная представляет собой парадокс. Реальны вещи, не являющиеся реальными — в некотором смысле! Я могу привести вам очень простую аналогию: евклидова и неевклидова геометрия, согласно одной из них, параллельные прямые никогда не пересекаются; другая утверждает, что параллельные прямые пересекаются в бесконечности. И обе концепции верны.

— Я и раньше говорил много странных вещей, и сейчас повторю их снова. С одной стороны, Вселенная — это реальная вещь, состоящая из звезд, планет и бесконечных морей пустого космического эфира. В ней течет реальная энергия, реальные атомы и молекулы составляют ее вещество. С другой стороны, все это иллюзия — обширный, бесплотный сон некой могущественной Ментальной Сущности, отдельными частями которой являемся мы, человеческие существа.

— На Земле я построил шахту, которая представляла собой миниатюрную модель составных

частей космоса. С ее помощью я мог предсказать многое из того, что содержит большой космос: ведь по самой природе вещей структура этих двух частей должна быть одинаковой. В ней я увидел синих электрических существ, которые по своей природе ближе ко всему Великому, чем что-либо из того, о чем можно сказать, что оно существует. В каком-то смысле я перенёс этих существ на Землю в результате своего эксперимента; в другом смысле я перенёс только их изображения; а в еще одном смысле их не существовало и они не существуют вообще!

— Это выходит за рамки всякого здравого смысла, доктор, — пробормотал Фориджей. — И все же…

По бледному, как у мертвеца, лицу Берринджера пробежала мимолетная лукавая усмешка.

— Иногда здравый смысл — сомнительная вещь, на которую не стоит опираться, — усмехнулся он. — Посмотрите на эти спидометры. В их механизмах нет никаких неисправностей; на их показания можно положиться, они говорят правду? Они регистрируют скорость от 1 до 17 000 миль в секунду. Однако повторные тригонометрические тесты, не менее надежные, показывают, что мы вообще не перемещаемся в

пространстве!

— Значит, нет ничего надежного? Всё непредсказуемо! — воскликнул Брэдли.

— Совсем наоборот, — рассмеялся Берринджер. — Я уже говорил вам об этом раньше. Шлем, который я ношу, позволяет мне соприкасаться с Ментальной Сущностью, и поэтому я могу читать разнообразные ветви прошлого, настоящего и будущего. Вы не смогли бы этого сделать, поскольку ваш разум не обладает такой восприимчивостью, как мой. Но если бы вы могли, то ясно увидели бы, как факторы времени, пространства и энергии объединяются и образуют великий космический узор. Много, много, много того, что не поддается описанию. Под одним углом зрения все они являются иллюзорными частями разума Вселенной.

— И вы уверены, что мы обречены, ввязавшись в эту авантюру? — спросил Фориджей.

— Я говорил вам об этом до того, как мы отправились в путь, — ответил ученый. — Ты знали, на какой риск вы идёте, но думали, что у нас есть шанс выжить, поскольку не до конца верили мне. Мы решили исследовать космос, и мы это делаем. Перед нами открывается самая суть вещей. Мы умрем, но это не имеет значения, ибо мы смогли пожить по-настоящему. Не так ли, ребята?

Оба молодых человека судорожно сглотнули. Они ответили, что думают именно так. Оба ставили острые ощущения от приключений выше надежды на долгую жизнь. Вот почему они сопровождали Берринджера.

Берринджер ухмыльнулся с издёвкой и взглянул на хронометр.

— Через две минуты все звезды исчезнут, — предсказал он тоном провидца. — Под нами возникнет странный, безвоздушный, пронизывающе холодный мир. Мы совершим посадку.

— И что потом? — спросил Фориджей.

Ученый пожал плечами.

— Вы увидите, — ответил он.

Берринджер был невозмутим, но не его юные друзья. Каждая секунда, отсчитываемая тиканьем хронометра, тянулась целую вечность.

А затем у них закружилась голова, и на мгновение возникло ощущение невозможного движения. Прошло две минуты, и звезды исчезли. Прямо под ними была суровая, изрезанная местность, освещенная лишь слабым голубоватым сиянием.

Берринджер хладнокровно повёл корабль по спирали, собираясь совершить посадку. Брэдли и Фориджей надели скафандры.

— Там, ребята, они понадобятся вам больше, чем на Луне, — сказал ученый. — Помните, что я говорил вам об отрицательном давлении? — спросил Берринджер, понимающе нахмурившись.

— Да, — ответил Брэдли, не выказав никакого интереса. — А вы не пойдёте с нами?

— По плану я должен остаться здесь, — ответил Берринджер. — Я видел все, что можно было увидеть, и я знаю, что, как ни странно, я близок к тому, чтобы умереть. Кроме того, от радиации, вызванной моими экспериментами, я заболел. Нет причин, по которым я должен напрягаться в эти последние мгновения существования. Удачи вам, ребята!

— Удачи, доктор, — эхом отозвались они, торопясь увидеть как можно больше неизведанного.

Покинув корабль, они прошли по пересеченной местности около двухсот ярдов, когда позади них сверкнула яркая синяя электрическая вспышка. Они обернулись, но корабль исчез, расщеплённый каким-то невидимым врагом.

Ни один из них внешне не проявил никаких признаков волнения. Как он и сказал. Лишь Фориджей очень тихо заметил:

— Он нашёл свой конец в этом месте. Жуткова-

то, черт возьми. Бедный старик Берринджер!

(Начало части Джона Рассела Фирна)

Фориджей снова погрузился в молчание, затем, по кивку своего спутника, они медленно и осторожно двинулись вперед. И только когда они шли через бесплодный каменный сад, скованный вечным холодом абсолютной пусты пространства, они кое-что заметили. Ничего осязаемого — просто нечто. Ощущение мрачного присутствия, невидимого, витающего в этой невероятной температуре абсолютного нуля.

Они понятия не имели, как долго длилось это ощущение, но вскоре оно стало настолько непреодолимым, что они остановились и оглянулись на то место, где только что стоял их космический корабль.

— Каким-то образом, даже несмотря на то, что корабль исчез, я бы чувствовал себя в большей безопасности в том месте, где он был, — пробормотал Брэдли. — Мы проверяем данные Берринджера для себя. Идём!

Он повернулся, чтобы уйти, но прежде чем успел это сделать, что-то совершенно невидимое обрушило на него страшный удар, от которого он плашмя упал на камни. Он в изумлении поднял глаза и не увидел ничего, кроме своего товарища,

тоже растянувшегося на камнях, лишившись дара речи.

Они вскочили на ноги и быстрыми движениями попытались выхватить из-за поясов дезинтеграторы, но прежде чем они успели это сделать, та же неведомая сила мягко придержала их руки, прижав оружие к бокам. Их сорвало с места и понесло по безвоздушному пространству с огромной скоростью, возможно, на расстояние двух или более миль — на такой обширной местности это было трудно определить — и, наконец, они увидели то, чего так боялись, ту самую вещь, о которой шла речь в эксперименте Берринджера — шахту гигантских размеров, ведущую в бездонную глубину этого странного мира. Внутри нее, как раз в тот момент, когда они спускались в огромную шахту, вспыхнули синеватые пятна пламени — синий цвет самого электричества.

По мере того, как они опускались все ниже и ниже, двое незадачливых землян снова подумали о старине Берринджере; они ничего не могли с собой поделать. Каким убийственно точным оказался его прогноз: как его высмеяли за то, что он осмелился сказать, что на небе вообще нет ни планет, ни созвездий! И этот его эксперимент с электричеством! После тех странных

происшествий по пути сюда… Двое землян теперь осознали очевидную истину, лежащую в основе всего.

Все быстрее и быстрее они уносились в глубину на невидимых крыльях, или, скорее, когда воцарилась непроглядная тьма и они смогли различить своих похитителей, на крыльях существ, сотканных из синего пламени… Затем в одурманивающем мраке появилось смутное быстро увеличивающееся ощущение света, солнечного света.

Наконец, приземлившись, они увидели источник света. Лежа на камнях, они осматривали круглую площадку неопределенных размеров.

Брэдли сел. Фориджей примостился рядом с ним. Они впервые посмотрели вверх, и у Фориджея вырвался возглас глубокого изумления. Звезды вернулись! Невероятно далеко виднелся зеленоватый шар Земли, а с этой позиции они отчетливо видели, что Солнце, видимое только при взгляде с края обрыва, было точным центром всего, а также источником света в этом странном мире.

Мало-помалу они осознали все это. Звезды, Земля — свободно плавающее тело в странной впадине, которая, судя по всему, была пустым

пространством — и крошечная сопутствующая Луна. Звезды вернулись, да. Но планет по-прежнему не было. И, что еще более удивительно, звезды заполняли только пространство прямо напротив них.

Наконец они столкнулись лицом к лицу со странными светящимися существами, окружившими их, существами, которым не требовалось ни воздуха, ни тепла, которые существовали в бесконечном холоде пустого пространства этого мира… Мира? Двое землян задумались над этим, и в этот момент они заметили, как солнечный свет отражается от мириада граней ярко сверкающих вокруг них камней, превращаясь в мириады оттенков оранжевого, зеленого, сапфирового и шафранового.

Внезапно в коммуникаторе раздался горький смех Брэдли. Он ничего не мог с собой поделать. Существа подошли ближе.

— Фориджей, если два парня с Земли и хотели заполучить абсолютные доказательства экспериментов земного ученого, то они это сделали! — выдохнул он. — Все в точности сходится, как он и говорил. Грани камней, центральное Солнце, плывущая Земля, отсутствие звезд в верхней части этой невероятно глубокой шахты

и, тем не менее, присутствие звезд на ее дне! Эти Синие Сущности, очевидно, порожденные электричеством, существующие практически при отсутствующем давлении. Эксперимент Берринджера — жизнь! И подумать только, мы смеялись над тем, что он нам сказал! Черт возьми, если бы мы сняли наши скафандры, то разлетелись бы на части; существуя под давлением, обычным для Земли, мы в достаточной безопасности, но в остальном…

Он остановился и мрачно посмотрел на своего товарища. Они смотрели друг другу в глаза в свете разноцветных огней.

— Мы обречены, Фо. — уверенным голосом продолжил Брэдли. — Теперь мы это знаем. Это дорога в один конец, и, согласно Берринджеру, она тоже работает правильно. Вспомни его уравнения потоков энергии и то, что мы видели там, в космосе. Если бы только мы могли вернуться обратно и доказать, что Берринджер был прав.

— И что теперь? — тихо спросил Фориджей.

— Только это, — твердо ответил Брэдли и с этими словами вытащил острый нож из ножен на поясе.

Прежде чем Синие Сущности успели вмешаться, он молниеносным движением рассек

по центру скафандры себе и своему спутнику. Мгновенно, как и предполагал Брэдли, они разлетелись на части, лишившись огромного давления, характерного для их родного мира.

Синие Сущности окинули взглядами пустое пространство, где они только что находились, не подозревая, что что высшая загадка бесконечности отгадана. Затем они отвернулись, чтобы продолжить свое вечное движение в разноцветной тьме, бывшей их домом.